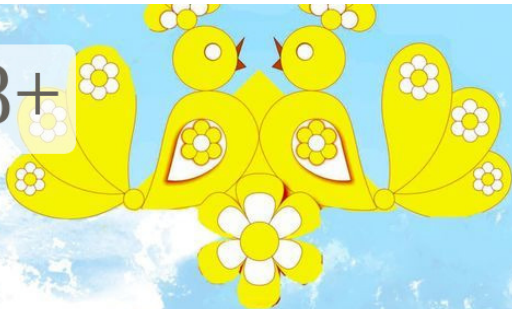

18+

Писательский клуб
«Альманах»

Русь в перьях

Финалисты

«Альманах»

Русь в перьях. Финалисты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345743

ISBN 9785449887856

Аннотация

Писательский клуб «Альманах» приглашает Вас познакомиться с невиданными историями, созданными в рамках литературного авторского проекта. #На страницах сборника «Русь в перьях» Вы увидите пронизанное лазурью небо, полюбуетесь на золотую бахромку пшеницы, окунетесь в изумрудную прохладу лесов, вдохнете свежесть земли раздольной, родной Русиматушки златоглавой! #Ощутите вместе с нами медовый вкус русского фольклора, пригубите чашку сказочной бражки, почувствуете силы богатырские!

Содержание

Анастасия Ворончихина	5
Дарья Бритара	22
Дарья Варламова	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Русь в перьях

Финалисты

Текст, пунктуация и орфография авторов сборника сохранены без изменений.

Писательский клуб «Альманах»

Составители Наталия Смирнова и Алия Латыпова

Иллюстратор Анна Седова

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-8785-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анастасия Ворончихина

(@fairy_petelka)

ЦВЕТАНА И РАДОМИР

Вечерело. Солнце зацепилось краем за гору, собираясь на боковую. Дед Диян шёл медленно по высокому берегу, где внизу шумела небольшая речка. Седовласая голова, спутанная, низко спускающаяся до самого живота борода, подслеповатые глаза, едва видящие силуэты. Шёл дед, опираясь на скрюченную палку, и натолкнулся на девушку в чудном венке из трав на голове. Сидела она в молчании на берегу и с тревогой поглядывала на воду.

– Никак вечерку встречаешь в одиночестве? Чего пригориюнилась? – тёплая старческая рука деда Дияна слегка коснулась пальцев Ярославы. – Да ты замёрзла никак? Это в этакый зной, какой давеча был.

– Не по себе мне что-то, дедушка. Смотри, как нашу спокойную речку волны тревожат. К чему бы?

– Ох, девонька. Так всегда перед Купальской ночью бывает. Это Радомир и Цветана играми любовными забавляются. Да неужто неизвестно тебе предание о любви их запретной?

– Не слышала. Расскажи, дед Диян.

– Ну что ж. Слушай!

Жили недалеко отсюда Радомир и Цветана. Тянуло их друг к другу невозможной силой. Но не суждено им было быть вместе – Цветана женой брата Радомира была. Потому позволяли себе влюблённые лишь взгляды редкие да прикосновения тайные, больше ничего лишнего, а суды и перетолки вокруг них всё равно были.

Однажды ревность и злоба взяла верх над Цветаниным мужем. Пошёл брат на брата, и убил Радослав Радомира. Увидала Цветана любимого мёртвым, припала к его груди, залилась слезами горячими. Не могла успокоить сердце своё встревоженное. Оторвать её от тела с трудом смогли. А когда успокоилась девица, ушла в леса, поля. Никому на глаза не попадалась.

Не знамо сколько времени с того дня прошло.

Однажды, а дело перед самой ночью на Ивана Купала было, увидали её, одинокую, в лесу. Собирала она травы целебные да цветы душистые. В самую ночь, когда разгорелся костёр пламенный, когда крик да веселье молодецкие взмыли над небом тёмно-лазоревым, да вода в тихой реченьке поднялась волной радостной, сплела Цветана венок из двенадцати трав да взглянула в самую средь него.

Отлетела вдруг от костра искорка маленькая и брызнула из речушки капелька. Столкнулись они в воздухе и скользнули, слившись воедино, промеж трав, туго сплетённых меж собой. Всполохнули чертополох да папоротник краешком, опалились. И увидела Цветана в самом центре венка, кото-

рый в руках держала, две страстные души – свою да любимого. Радомир огнём предстал. Она – водою.

Две клокочущие стихии, неслучайно встреченные в круге, начали игру любовную. Одна – огненная – пылала и манила теплом. Другая – водная – стремилась обнять потоком. Тянула их друг к другу сила неведомая. И образовывали они, в воздух вздымая, узоры, пылающие из огня и воды. Он то обжигал её, то несмело гладил рукой. А она, накрывая волной, укутывала их огонёк любовью. Едва касаясь друг друга, трепетали они чувствами, которые в жизни им запретными были. Но и сейчас опасен был их союз – могли в любую секунду уничтожить друг друга.

Порой огонь близко подходил к воде. Но она сдерживала напор, нежно лаская ручьями. Он горел любовью, а она, становясь большой волной, захлёбывалась счастьем. И вдруг огонь слишком близко подошёл к воде, так разжёл себя страстью пламенной, что набросился на её потоки. Природой суждено было соорудить ей водную стену, и не смог огонь преодолеть эту преграду: потух, догорая последней искоркой. А вода, увидев это, взлетела каплей вверх и обратилась волной – заклокотала в речушке, прежде бывшей спокойной. Зашумела водная стихия, билась о стены берегов, хотела затопить слезами всё вокруг. Но не удалось ей взмыть выше высокого берега и она, обессиленная, успокоилась. Стала темна и тиха.

Цветана, увидев, что и душа её, внутри венка волшебного,

потеряла любимого, обмерла, а потом, не ведая, что творит, бросилась в костёр, который рядом разгорался. Никто остановить её не смог. Пламя поднялось высоко, обожгло Цветану. От боли кричала она, что есть силы, но не выходила из огня. Широко раскинув руки, принимала пламенные объятия. Возгорело её тело. Вдруг поднялась волна из речушки, что недалеко плыла, огромная-преогромная. И накрыла костёр, затушив его. Подбежали девицы и парни к тому месту, где огонь дотлевал. Только не нашли ничего, кроме небольшой груды пепла. Будто и не было Цветаны во плоти.

С тех пор каждая девица, что любовь страстную увидеть хочет, плетёт венок в ночь на Ивана Купалу и заглядывает внутрь его.

Дед Диян замолк. Ярослава задумалась, продолжая наблюдать за потоками воды в речке внизу. Вдали слышались крики молодёжи, готовящих костёр к ночи на Ивана Купалу. Ярослава сняла с головы венок и ненароком взглянула в его центр.

КАК ЗЛАТУШКА И ВЛАДУШКА В ПОЗЫКОВОМ ЦАРСТВЕ ОЧУТИЛИСЬ

#

Сказывали мне небылицу одну. Перескажу её, как смогу. Только слушайте внимательно, не перебивайте, чтобы сказ складный получился, несбивчивый.

Жили в селении одном сестрица Златушка и братец млад-

ший Владушка. Ребятишки были расчудесные. Только сиротинушки. Матери и отца своих не помнили. По домам соседским ходили—побиралися. Правда, год тогда худой был, неурожайный. Людям самим воды да хлеба не хватало. Вот и стали они сироток гнать, как только те на двор глаз казывали. Порой за вилы брались или метлой прогоняли. А однажды натравили на ребятишек собак злючих. Детишки как увидели зверей свирепых, побежали так, что пятки засверкали.

Долго они бежали. Бежали, бежали, да в чащобу тёмную непролазную забежали. Тьма – глаз выколи. Заплакала Златушка, темноты напугавшись. Её вой эхом как раздастся, аж до костей пробирает.

– Что это? – озиралась девочка.

«Та-та-таааааа!» «Ха-ха-хаааааа!» – послышалось из глубины тяжёлым протяжным эхом.

Это Позык – владыка Позыкова Царства, эхо лесное да страшное – над ней потешался да страху напускал. Испугалась Златушка. Заплакала.

Оглянулась, нету Владушки. Не заметила, как потеряла братца. То ли собаки загрызли злючие. То ли сгинул в страшном Позыковом Царстве.

Делать нечего. Хоть и боязно, а слезам горю не поможешь. Нужно из Позыкова Царства выбираться. Только как? Повернула Златушка вроде назад, а получается, что дальше вглубь заходит. Всё темнее и темнее становится. Лишь кое-

где раскатами разноцветные всполохи мелькают. Вокруг, куда ни глянь, чудо или диво, коих глаз отродясь не видывал.

Зайцы с оленьими рогами морковки лазоревого цвета грызут, от удовольствия похрюкивают. Лисы с утиными клювами по кочкам болотным скачут, голубиную икру, как росу, с кувшинок собирают. Черепахи к панцирям своим крылья бабочек на смолу берёзовую приклеивают да летать учатся. Только получается кверху пузом летать, а они и рады радёшеньки. Вороны с павлиньими хвостами прохаживаются. А на ёлках не хвоя растёт, а перья диковинные страусиные. И все, кто какие звуки издаёт, обязательно эхом закатыстым отзываются. Идёт Златушка – удивляется. Слово молвить боится, чтобы Позыка не потревожить голосом.

Остановилась Златушка перед пнём высоким да трухлявым. А из него Леший выглядывает да посмеивается. И лицо у него на кого-то уж больно похожее. Пригляделась, а это Владушка, братец её любезный. Девочка бросилась его из пня вытаскивать, а Позык откуда-то как заорёт:

– Ээээээ, неееет! Не отдаааааам тебе мааааальчика. Нука, охраааана, встаньте на страааааже.

Откуда ни возмись прибежали тоненькие, оголодавшие русалки-мавки, закачались на деревьях. Пришли сестрицы-лихоманки, чахлыми костями лихорадочно трясут, суставы себе заламывают. Водяные захлопали в ладоши, животами забулькали. Позык грозно зааукал.

Владушка, сидящий в пне, увидел всё это и как начал пла-

кать. Плакал-плакал, что море перед ногами стражи наплакал.

Земля глотала морскую воду, глотала да и захлебнулась. Ногами-руками воду в волны подняла да радугу над морем дорожкой разноцветной расправила. Покрыла радуга морскую гладь одеялом семицветным, а сама смехом заливается от того, что волны морские её щекотят до одури. Так смеялась, что ёлки, которые рядом стояли, стали дёргаться и в воду падать. Падая, зацепила одна ель веткой длинучей пень трухлявый с Лешим внутри. Леший – бух в море – и по самые уши в дно воткнулся – только нос торчит, не пошевелится. Засел на дне, пузыри пускать принялся. А потом из уха Лешего, которое из пня торчало, стал куст рябиновый колоситься, а вместо листьев на нём – шанежки да с творожком. Вкусные. Духом печёным всем животы подвело. На этот аромат сам Позык пришёл. Глазами хлопает, что воротами железными брякает. Уселся Лешему на голову и давай шанежки уплетать. Леший не стал такой наглости терпеть: хватъ его за глаз большущий, да как крикнет! Позык с перепугу-то дёрнул – и вытащил Лешего вместе с пнём его из моря, а сам такого драпа дал, что только пятки засверкали. Сам бежит – земля трясётся. Эхо повсюду землю обволакивает.

Русалки от звука страшного хвосты скинули, да девицами-красавицами из Позыкова Царства рванули. Сестрицы-лихоманки, дрожа, суставы свои болезные отбросили. А водяные мяли-мяли тревожно животы да и лопнули.

Чем бы эта свистопляска закончилась, поди знай. Только Владушка не стал долго внутри пня Лешего сидеть. Вылез да к Златушке подбежал. В руках шанежки держал. Сестрица стояла ни жива ни мертва. Владушка схватил её за руку и они в селение родное побежали, шанежками по пути закусывая.

Вот такое однажды случилось. Хотите – верьте, хотите – нет.

БЫЛИНА О ПИСКЛЯВОМ ЧУДИЩЕ

Ой, ты, Русь моя, Русь-матушка,
Богатырями Русь полная,
Славишь, Русь, ты сыновей своих,
Сыновей своих – богатырей доблестных.

Расскажу-ка вам, былину дивную,
Былину дивную да правдивую.
Как жил молодец близ Чернигова
Назывался он Василь Васиlichem.

Он ходил с дружиной на ратны подвиги
Драться мог по три часа иль больше того,
Так, что сабли в руках врагов ломались,
Да сердца от страха сжимались.

Слава славная шла о молодце:
Мог ударить он палицей боёвою,
Мог сразить копьём острёхоньким,

Даже плёточкой простой шелковой
Одолеть он мог любого врага.

Приказал раз Василию Володимир-князь
От врага одного Русь избавити.
Врага страшного, небывалого,
Врага лютого и поганого.

Был похож он на чудище ужасное:
Красны очи стреляли рубинами,
Голоса выдавал писклявые,
Сам покрыт был кожей ворсистою,
Да хвостом обладал очень длинным он.

Шибко шустрый был враг, изворотливый,
Хоронился по кустам и норам он.
Он пугал своим обличьем детинушек,
Бабы старые от него помирали вмиг.

Закручинился Василий, запечалился,
Стал он думу думать великую,
Как Русь-матушку от врага спасти,
От врага спасти, да самому не пропасть.

Хоть и боязно было Василию,
Хоть и страшно ему было от врага.
Но не мог Василь князя послушаться,
Стал готовиться к ратну подвигу.

Думал, как увидит он чудище несусветное,
Думал, как увидит зверя страшного,
Он-де схватится с ним да большим боём,
Ах, большим боём да рукопашным.

Рано-раненько встал Васильев сын,
Умываться стал водой колодезной,
Опосля седлал Бурка своего в седёлышко,
Поскакал искать врага ужасного.

Расступись-ка, матушка сыра земля,
Скачет богатырь встречать подвиг свой.
День прошёл, второй кончался весь,
Повстречал Василь зверя страшного.

Был он ростом с гору Эверестову,
Зычный голос имел он с писком в примеси,
Обладал шибко увёртливым туловищем
В очи смотрел глазами краснучими.

Как увидел Василь зверя страшного,
Так и обмер весь, и затрясся сам,
Рухнул наземь, потерявши сознание.
Рухнул наземь, дышать не может совсем.

Как подъехали к Василию дружинники,
Как увидели врага злючего,
Вмиг ударили по нему саблей острою,
Разрубили его тело вонючее.

Писк разнёсся над русской земелицей.
Плач поднялся над богатырём Василием.
Лежит тело его на ворочится,
Лежит тело почти бездыханное.
«Только что это?» – дружинники дивятся.
Вроде грудь у богатыря девичья,
Да с лица богатырь дюже красен сам,
Дюже милы очи да уста сахарны.

Знать недаром упал богатырь в обморок
Да при виде злодея писклявого?
Знать Василий наш сам – не молодец,
Знать Василий наш – красна девица,
Что при виде мыши тушуетя,
Хоть большого врага не боится совсем.

Так узнал весь свет о красавице,
Что зовётся Василисой Микулишной.
Что сражается лучше мужнего,
И страхов с тех пор девичьих не чурается.

Ой, ты, Русь моя, Русь-матушка,
Богатырями Русь полная,
Славь, ты, Русь, окромя сыновей своих,
Дочерей своих – поляниц доблестных.

**СКАЗКА ПРО ЕРЁМУШКУ И СЕСТРИЦУ
ЕГО ЛАДУШКУ**

Жили-были в одном селении мужик с женою. И было у них двое детей: Ладушка и Ерёмушка. Дочка писаной красавицей выросла: станом стройна, кожей бела, бровью черна, коса висит до пояса, глаза блестят, что небо в ясный день. Да к тому же знатной рукодельницей славилась. Рубахи золотой тесьмой расшивала, рушники невиданными узорами украшала, на скатертях и полотенцах небывалые картины вышивала.

Проезжал как-то мимо селения торговец заморский. Покупал у местных бабок всё, что продать по белу свету можно было. Подъехал он и к дому мужика. Понравилось ему Ладушкино рукоделие. Да и сама девица глянулась, так что глаз отвести не мог. Стал он девушку сватать. А мужик противится.

– Э, нет, – говорит, – за вышиванки злато-серебро давай, а дочку не отдам! – так ему стало жалко Ладушку молодцу неизвестному отдавать.

Осерчал торговец. Превратился в чудище страшное, какого свет отродясь не видывал. Зарычал зверем диким. Когти длинные выпустил. Оскалился. Глаза огненно-красные так и пыхнули гневом. Подогнал злодей своего гнедого коня, кнутом стеганул, схватил силой Ладушку и увёз в неведомы края. Кинулся мужик догонять – да где там. Коня чужого не видать, что ветра в поле.

Закручинился мужик, заплакала и жена его. Да делать, ви-

дать, нечего. Сгинула Ладушка. Подошёл к ним сынок Ерёмушка.

– Не плачь, батюшка. Не плачь, матушка. Я спасу Ладушку.

– Куда тебе. Мал ещё. Сам пропадёшь, кто нам в помощники останется? – ответили родители. Запретили ему из дома уходить.

А Ерёмушка не послушался. Как ночь над селением опустилась, взял он краюшку хлеба, что мать с вечера напекла, кваску медового, что отец с утра не допил, да платочек вышитый – Ладушкин подарочек. И отправился в путь дальний, нелёгкий.

Долго ли шёл, коротко ли. Привела его дорога на опушку лесную. Сидит на пригорке зайчишка, слёзы горючие проливает.

– Чего плачешь, косенький? – спрашивает Ерёмушка.

– Как мне не плакать, молодец. Насобираю я для детишек малинки да землянички цельный туес, а мишка бурый всё отобрал. Теперь голодными детишки мои останутся.

– Возьми краюшку хлебушка, косенький, накорми зайчиков, – протянул Ерёмушка леб, который у него был, и дальше пошёл.

Шёл Ерёмушка лесом, шёл полем. Встретил на дорожке чёрного ворона. Тот голову опустил, кашляет.

– Что случилось? – спрашивает Ерёмушка.

– Червячок в зобу застрял. Ни туда – ни сюда, – еле слыш-

но прохрипел ворон.

– Отпей-ка кваску, пташечка, – протянул Ерёмушка на-
питок медовый.#

Только глотнул ворон, сразу легче стало.#

Шёл дальше Ерёмушка. Лес тёмен да густ сделался. Устал
Ерёмушка. Хотел было присесть на камушек, да увидел впе-
реди избушку, не простую, а на лапках гусиных.#

«Вот это да! – подумал про себя Ерёмушка. – Был бы
дом обычный, на куриных ногах, знал бы, кто в нём хозяйка.
А тут неясно ничего».

Избушка приседала да крышей-головой мотала.#

«Чевой-то с ней?» – подумал Ерёмушка.

Подошёл поближе, в дверь постучал. Никто не откликнул-
ся. Открыл дверь Ерёмушка. Вокруг перья гусиные столбом
летают, а внутри бабушка подушки пуховые золотыми нитя-
ми вышивает да чихает без умолку.

– Будьте здоровы, бабушка, – пожелал Ерёмушка.

– Спасибо, добрый молодец, – ответила старушка, не под-
нимая глаз от рукоделия. Продолжала носом шмыгать и чи-
хать.

– Возьмите мой платочек. Вдруг пригодится, —протянул
Ерёмушка Ладушкин подарочек.

Как увидела платочек бабушка, затряслась вся. Избушка
ходуном заходила да гагатать принялась. Бабушка платочком
лицо прикрыла и тут же Ладушкой обернулась. Оказалось,
что торговец заморский, колдун проклятый, в избушке на гу-

синих лапках Ладушку спрятал. Превратил её в старушку, ждал, когда она образумится да к нему женой-красавицей попросится. Увидел Ерёмушка сестрицу – обрадовался.

– Бежим, Ладушка! – закричал он.

Выбежали они из дома. Туча грозная накрыла их сверху, ветер холодный укутал вокруг. Не могут двинуться с места Ладушка и Ерёмушка. Тут же и колдун заморский появился. Когти длинные выставил, зубы острые показал. Биться с таким боязно. Голыми руками сестрицу не спасёшь.

Тут как тут ворон чёрный, кваску Ерёмушкиного испробовавший, со стаей налетел. Стали птицы злодея клевать и крыльями запугивать. Покуда отбивался колдун, пустились Ладушка и Ерёмушка бежать наутёк. Бежали, бежали да заплутали в лесу. На помощь заяка выбежал, которому Ерёмушка хлебушек для зайчат отдал. Показал заяц, как из леса выбраться.

#В скорости нашли Ладушка и Ерёмушка знакомую тропку до дома. Вернулись к своим родителям. Обрадовались мужик с женой. Они и по сей день живут семьёй дружно и счастливо.

НЕПОКОРНЫЕ ВЯТИЧИ

Поведётся наш сказ о вятичах – самом непокорном народе во всей Руси.

Давно это было. В те древние времена, когда вятское пле-

мя почитало Стрибога, старого славянского бога ветра, который подарил им кузнечные клещи, научил выплавлять железо и медь, да вечно молодого Ярилу, разъезжающего на огненной колеснице. Вятичи долго оставались язычниками. Они веровали, что в ночь на Купалу деревья ходят с места на место и разговаривают меж собой шумом ветвей. Искали папоротник, чтобы понимать язык каждого творения. Поклонялись богу любви Лелю, который являлся в мир каждую весну, отмыкая своими ключами-цветами недра земные для буйного роста травинки и кустиков. Воспевали богиню Ладу, чтобы та хранила их семьи. Поклонялись хозяину леса Лешему и чтили домового.

Давно мечтали князья киевские покорить гордецов-вятичей да впустить в их души христианскую религию. Но каждый раз храбрецы и силачи вятические подставляли голые груди стрелам и вступали в рукопашный бой. Топорами и секирами рассекали крепкие доспехи и раскалывали шлемы, как глиняные горшки. И отступали киевляне ни с чем, уходя восвояси.

В 1066 году вновь поднялось племя вятское против Киева. Во главе его встали упрямый и могучий Ходота да сын его. Усмирить их пришёл сам Владимир Мономах. Встали перед ним воины-копьеносцы с большими щитами да молодые лучники и метатели дротиков. Не позволили пройти далеко. Первый раз ушёл Мономах ни с чем.

Следующий год пришёл. Мономах снова двинулся на Вят-

скую землю. Только дружина его, пройдя через густой лес и непролазные болота, так и не встретила Ходоту и его войско.

Мрачен сделался Мономах. Не терпел он неудач. В третий свой поход настиг и разгромил он лесное войско Ходоты, но только не самого предводителя. Тот скрылся в туманах густой чащобы, и лес снова встал на защиту своего вождя.

Уразумел, наконец, великий князь, что Ходоту только хитростью можно покорить. Заслал он лазутчиков в вятические поселения, занял главные из них и завёз туда всяческого припаса. Дело по зиме было. Крепкие морозы ударили. Ходота вынужден был искать сугреву в избах и землянках. Мономах настиг его как раз в одной из зимовок.

Долго ещё ратились и бунтовали вятичи. Смело вели битву, но дружинники вырубали всех, кто попался под руку в этом сражении. Воеводы хватали и вязали каждого зачинщика. Потом казнили всех на глазах у поселян лютыми казнями.

Окончательно покорить вятичей удалось только к 15 веку. Именно тогда земля Вятская вошла в состав Древнерусского государства.

Дарья Бритара (@darya_britara)

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

Велика и щедра земля русская. Куда ни взгляни, богаты леса животиною да ягодами, полны реки рыбою, луга травами, а поля хлебами.

На этой самой земле родилась у матери дочь, такая светлоликая, такая ясноглазая, что прозвали её Синеока. Росла девочка тихая да ладная, кто не посмотрит, всяк умиляется, любит. В доме помощница добрая, гордость матушки.

Любила Синеока собирать ягоды. Убегала в лес с подругами. Все подружки гурьбой в лесу веселятся, про ягоды забывая. А Синеока в их сторону глянет только да среди деревьев в лесу исчезает. Любил лес девочку, сам дорогу к ягодам показывал. Чуть солнце к закату клонится, а тут и она из леса с корзиною полной идёт.

Летело время неуловимое, Синеока всё краше становилась. К шестнадцати летам не осталось у девушки подруг. Сторонилась она парней деревенских, заглядывались молодцы, но на ухаживания их не отвечала девушка. Стали друзьями ей лес дремучий, речка быстрая, земля родимая.

Стояла на дворе весна, отгремела весёлая Масленица. По-

шла как-то Синеока за водой. Смотрит, у реки стоит добрый молодец. Ростом высок, в плечах широк, статен и пригож. Увидал он Синеоку, загорелась в сердце его любовь к девушке.

А был то не простой молодец, а сам Ярило, бог солнечный. Сколько по земле прошагал, сколько по миру красавиц разных видывал, а такой дивной не встречал доселе. Заговорил он с девушкой, стал красотой её восхищаться. Но не тронули его слова сердце девичье. И решил он тогда завоевать Синеоку.

С той поры каждое утро приезжал увидеть её. Как ни выглянет, – она всё трудится; как ни попробует рассмешить, – а она лишь улыбнётся в ответ да снова за дело принимается.

Заприметили девицы, что повадился ко двору Синеоки молодец хаживать, загудела деревня разговорами, да наполнились души девичьи завистью да ревностью. А Синеока о том и не знает. Приглянулся ей Ярушка, да всё некогда ей: одна помощница она у родной матушки.

Вся весна вышла тёплая, небо синее, ясное. Только глянет Ярило в небо, – словно в глазах любимой растворяется, везде ему Синеока видится. Совсем извелся молодец, и решил он к ней посвататься. Растаяло сердце девушки, заплакала матушка, дала согласие. На жизнь долгую и счастливую благословила дочь с её избранником.

Но прознали о том деревенские, донесли кому надобно, что Ярило, идол запретный, в жены девицу местную просва-

тал. Давно о богах древних не слышали. Знать, не просто так Синеока в лесу пропадала, неспроста краше всех уродилась. Знает, девица, знает, поганая, про волшеббу волховскую да ворожбу ведьмовскую. Сразу вспомнили ей всё, что копили в закромах душевных. И сговорились они молодых разлучить да сгубить бога древнего, как велела им вера новая.

А Синеока с Ярушкой о том не ведали. Порешили они вместе на праздник Купальский явиться да в гуляньях деревенских поучаствовать. А для того – накануне у реки свидеться.

Настал вечер. Стала Синеока к суженому собираться, да только никак не соберётся, всё что-то задерживает. Глянула во двор, а уж смеркается. Прибежала на берег: нет её Ярушки, словно и не было. Села девица, заплакала, завела песню печальную.

А и не знала, что долго ждал у реки её суженый, Ярило-солнышко, но пришли злыдни деревенские, и был среди них инок, иноверец княжеский. И вела их злоба да ненависть лютая, из сомнений да невежества выросшие. Взяли Ярушку они во полон, а коня его под уздцы, да повели к костру.

Повелел инок привязать бога древнего к столбу деревянному, а голову коня его на столб надели наверху. И летели в Ярушку проклятия всяческие, ругал и насмеялся над ним каждый на свой лад. И зажгли костёр высокий, а Ярило, бог солнечный, в крови коня любимого о возлюбленной своей думал.

Не пришла его Синеока, опоздала на встречу, ладушка. Вспыхнуло пламя, и исчез Ярило, взвился в небо искрами. Разлетелись те искры светляками по земле русской на поиски его любимой. И нашли её в слезах у реки, грусть души своей песней изливающей.

«Ты не плачь, не грусти, моя милая, Синеока, моя ясноглазая. Не рви душу словами печальными. Знай, вечна любовь к тебе, ладушка. Где бы ни был, знай, – всегда рядышком».

Разлетелись светляки по лугам зелёным, а невеста его светлоликая свой венок в реку отправила. Нет житья ей без Ярилы любимого. С родной матушкой попрощалась да рябиной осталась у берега.

Взошло солнце ясное раньше раннего, всё искало Синеоку милую. Но нашло лишь венок её да рябину красную у берега. Разгневался Ярило на людей. В первую же ночь разгулялась стихия. Меж высоких гор до самого неба вырастали столбы огненные, а к утру была деревня полна мёртвых воробушков. Сорок дней пылал древний бог, в гневе ярился. Ночи напролёт трепетало всё, да зарницы рождались алые.

С той поры каждую весну, лишь сойдёт снег, застилает синим ковром разнотравье землю. Это Синеока, из-под снега Ярушку в небе высматривает. А Ярило милой своей с неба высокого улыбается.

Но до сих пор помнит он людям тот день.

По сей день кличут Купальскую ночь в народе рябиновой.

Да только одним вершинам седым ведомо, что из сотен рябиновых лишь одна воробьиной зовётся...

СОЛОВУШКА

Ой, ты, Русь-земля величавая,
Вся ты, Русь-земля, силой полная.
Где ни глянь, сыны твои верные,
Берегут тебя сердцем огненным.
В каждом тереме красна девица,
В каждом поле – берёзка пушистая.
И бегут ручьи изобильные
Да становятся реками быстрыми.

Пятый век стоит славный Киев-град,
Правит Киевом светлый князюшка.
Любит мудрого весь честной народ,
Всей Руси святой родный батюшка.

Прилетела весть из далёких мест,
Что грозит супостат Руси-матушке,
Князь издал указ и созвал сынов,
Кликнул молодцев, верных защитников.
Уж седмица к закату клонится,
Всё слетается войско соколичье,
Статных воинов, вольных росичей,
Богатырского рода молодцев.

А коварный враг на Купала ночь

По земле огнём, подлый, стелется.
Топчут, ироды, травы шелковы,
Вражья марь в сердца пробирается.
Злая ворожба во земной полон
Взять умы людские удумала.
Верю полны молодцы стоят,
Да готовы сложить буйны головы.

Ах, ты, Русь-земля, Русь могучая,
От волшбы колдовской не прикрытая,
Враг уж у ворот, враг внутри домов,
Губит семьи, губит невинные.

И как встарь, вперёд вышел лишь один.
Поединок, судьбы решающий.
Враг гудит, гремит, враг стучит, бренчит,
Колдовскую песнь завывающий.

Хочет богатырь шаг вперёд ступить,
Только ноги его словно вкопаны.
И стоят бойцы да живые все,
Истуканами во поле замерши.
Хоть и крепки, здоровы молодцы,
И не выпита чаша геройская.
Только Русский дух взяли во полон
Вражьей марью, волшбою тёмною.

Ах, ты, Русь моя, величавая,
Вся ты, Русь-земля, силой полная,

Силой полная, безграничная,
Где сыскать тебе, Русь, защитника?

Третий день стоят добры молодцы,
От усталости в землю валятся.
Злая мгла вокруг собирается,
Погубить землю Русскую, славную.

Что за диво, неужто спасение?
То запел в роще соловушка.
Трель его живою водицею,
Льётся песнью над Русью широкою.
День поёт добрый соловушка,
Заглушает волшбу иноверскую.
А как ночь пришла, чудо-стрекотом
Запечник завёл свою музыку.

Ожила в сердцах сила русская,
И вернула в строй добрых молодцев,
И погнали они супостата прочь,
За Калинов мост через Смородину.

С той поры звучит соловьиная трель.
Песнь его навек сердцу милая.
И пока поёт в роще соловей,
Будет Русь стоять невредимая.

ЛЮТЫЕ ВЛКИ

Калдеи пришли с севера, особо свирепые, злые и силой обладали невиданной. Были оне морянами и шли от Великого моря по Висле-реке, что восточнее ведичей, и сели в местах холодных, лесом обильных. Земля сия пришлась им по нраву, и перенесли оне на землю битву морскую. Творили калдеи дела тёмные. Обернувшись волками пепельными, ушли в леса, где соединились с волчицами поморья и посеяли семя своё. И понесли волчицы, плодовитые как сама земля. И пошли от них сыны, прозванные лютыми Волквами – велетами, волохами – лютичами.

В народе кличут их также вильцами, и следует узнавать их по поступкам и оберегаться от них особливо.

Прячась в шкуры волчьи, имели общий обычай: жили в лесу, как и друзии звери, ели нечистое, питаясь лисами, лесными кошками и кабанами. Браки не заведены меж них, но по сговору устраивали селами пляски да игрища бесовские, крали жён и сходились с ними. И жили гуртом, имея 2 и 3 жены. А коли умирал кто, так по нём тризну устраивали, делали колоду большую и возлагали на ней мертвого. И огонь разжигали, а кости оставшиеся в сосуд собирали да по дорогам на столбах ставили.

И поныне лютичи держатся закона отцов своих: отличаются боевитостью, кровь проливают и хвалятся этим. Сии бесоугодные чародеи ритуалы проводят, и щенки опосля них здоровыми волками становятся. Идя в бой, перекликаясь волчьим воем, одевают оне шкуры, и бьётся в их груди волчье

сердце. Славятся оне своей храбростью. Всяк лучшие воины и охотники.

Имеют лютичи в землях своих 95 городищ и поселений. Поклоняются Сварожичу, имеют храм Радогоста Триглавого в городе Ретре, что в землях редариев. Старшие Влки крепко хранят знания древние, передавая их из уст в уста, да бранят грамоту новую и крест датский. Не жилось никогда мирно лютичам, совершали оне набеги на соседние земли.

В году 789: Карл, король франков, пошёл против вильцев лютых. И были с ним саксы и сорбы, и ободриты. Недолго стояли лютичи и скоро уступили. Земли их Карл пожаловал князю ободритов, а лютичи отошли в леса близ Пене, что на западном рукаве Одры-реки, и друзие ушли водою на юг по Висле до моря Греческого, где зовутся теперича ульцы – уличи, Скифь Великая.

В год 854: князь вильцев собрал поход на чехов. Во все земли отправил меч, чтобы каждый, кто ростом превзойдет меч, немедленно шёл на войну, иначе сим мечом обезглавлен будет. И взяли оне с собой соколов, ястребов, чтобы дать им в пищу мясо врагов.

Возбоялись чехи и моравы, что придут вильцы, разорят земли, умертвят младенцев и будут творить насилие над их жёнами, и заставят их женщин кормить грудью щенков своих. Вторглись лютичи в их земли, и была битва. И были соколы пущены в небо, и крыльями своими затмили его. Но не так просты оказались чехи, просили оне помощи, и по-

бедили оне хитростью, а не добрым боем, и все влки пали мёртвыми. Затем пошли чехи в земли вильцев и чинили там расправу над псоголовыми, и была резня. И сына князя малолетнего обезглавили, дабы не вырос щенок влком бешеным.

В году 942: был мир, и стоворились меж собою князь вильцев да германцы, что будут за плату лютичи ляхов на востоке Моравы бить. И службу оне несли добрую.

В 945 году: пожелал лютич – князь Мстивой за службу в жены дочь саксонскую. И заявил о праве своём, и, собрав тысячу воинов, пришёл взять своё. Но не дали ему жены твердодумные саксы, и сказали: «Не гоже отдавать девицу благородную псоголовому мужу». И вернулся Мстивой в Славию, и держал слово перед народом: «Великая милость нам оказана, что почитают нас собаками. Но если сильной станет собака, то сильными будут и её укусы». И как обещано сделал.

В году 983: король германский, двинулся покорять восток Белой воды. Но подняли лютичи мятеж против него, и выстроил князь в ряд волков своих, и рвали, и секли, и разбили врагов. Огнём и мечом разорили влки всю Нордальбингию, и начали сами собой владеть. И звали их за то – ходы. И прошли через всю Славию, пожгли и разрушили оне все церкви, и замучили истязаниями разными её служителей, не оставив по той стороне Альбии следа от веры христианской. Так одержал Мстивой победу, изгнал германцев за Альбию.

Долго держались лютичи за веру свою, крали жён себе и мечом вершили суд и волю свою. Но старые Влквы уносили с собой древнее знание велетское, и некому было продолжить его.

В год 1050: среди лютых вильцев разгорелось пламя. Не было среди них правды, встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом.

В году 1125: Фракийские тучи принесли бурю войны. Германцы вознамерились увеличить королевство и покончить с бесовщиной в сих землях, обратив в веру христианскую псов неразумных, принесли оне войну лютичам. В ответ влквы жестоко преследовали их, войной донимали и разоряли их поселения. И прознал о том Вальдемар I, и пришёл он войском, и разрушил Ретру. И распался союз лютичей.

К году 1125: не осталось поселений лютичей. Покорились германцам Саксонии.

Но не совсем оне сгнули, но умело прячут волчьи шкуры да обычаи. И разбрелись по земле широкой, и до сей поры гонят облака, и изъедают луну.

КАК ПТИЦА ЧЕЛОВЕЧЬИМ ГОЛОСОМ СКАЗКИ БАЯТЬ УДУМАЛА

Птица Ирия запела,
Песнь душевну завела,

Окиян перелетела,
Сказки, байки принесла.

И гутарит чудо-птица
Про волшебные края,
Где Ирийская столица,
Ей родимая земля.

Там иначе, по-другому,
Всё не так совсем, как здесь.
Солнце всходит над волною,
Чтобы в лужу ночью сесть.

Кони пашут небо плугом,
В облаках сады цветут,
А под деревом, под дубом
Змеи пекло стерегут.

Там молочная корова
Ест далёких звёзд траву,
И богиня паукова
Мирозданья ткёт канву.

По часам поёт кукушка,
Отмеряя жизни путь.
На земле стоит избушка,
Куры ноги щемят грудь.

Яблонь много молодильных

Охраняет сторож-гусь.
У домовины могильной,
Где дорожка в Славну Русь.

Лодьи вёсла сушат в небе,
В парус пойман рыба-кит.
На поломанной телеге
Камень Алатырь лежит.

В кузне молот с наковальной
Творог варят и пекут.
А колечки обручальны
Как цветы в земле растут.

Пчёлы ходят на собрания,
Выполняя план пыльцы,
И частицы мироздания
Прочь несут во все концы.

Что за марево, виденье,
Прочь гони его скорей.
Это просто наваждение,
Сказки для малых детей.

Сочиняет чудо-птица,
Голос сладок аки мёд.
Всё – сплошная небылица,
Так что птица просто врёт...

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЦАРЬ НЕВЕСТУ ИСКАЛ

В далёком царстве, далёком государстве жил-был царь. И звали его Василий. Пришло ему время жениться. Задумался царь, надо царицу достойную выбрать.

Ехал он как-то верхом по столице да увидел толпу. «Эка невидаль», – подумал он. – «Что за чудо такое». Старик сидел, в стакане косточки перемешивал, судьбу по камушкам предсказывал.

Чудо на Руси любо.

Стало и царю Василию любопытно, вспомнил о своём деле. Подъехал он ближе, слез с коня и, кинув монету звонкую старику, спросил:

– Здравствуй, дедушка. Есть у меня вопрос сложный. Может, камушки твои подскажут, где мне сыскать невесту хорошую.

Глянул старик на царя внимательно. Собрал косточки да камушки в стакан глиняный, перемешал содержимое да на землю высыпал. Долго рассматривал итог и молвил:

– Вижу, скоро сыщется твоя суженая. Да только какой она окажется, всё от тебя зависит. Возьми, царь-батюшка, от меня эти камушки, – и протянул старец царю три камушка. – Да поезжай по дороге из города. Где камень выронишь, остановись, знать там девица достойная тебя живёт. Да только мой совет. Не спеши с решением, а сперва попроси воды колодезной поднести испить.

Поблагодарил царь, поклонился старцу, взял камушки, сел на коня верхом да поехал из города. Не успел за ворота городские выехать, как выпал у него первый камушек. Огляделся царь. Стоит перед ним не дом, а палаты княжеские. А из окна светлицы – красавица на двор смотрит. Вспомнил Василий совет старца и молвил:

– Здравствуй, девица, здравствуй, красная. Еду я из города стольного, ищу по свету свою суженую. Устал дорогою да жаждой мучался. Не сочти за труд, подай водицы колодезной.

Глянула девица в сторону царя и отвечает:

– Звать меня, величать Агафьей Павловной, я – девица рода знатного, княжеского. Хожу в шелках да золоте. Не пристало мне, княжне будущей, путникам заезжим воду подавать, – сказала да оконце затворила.

Покачал головой царь и дальше в путь тронулся. Прав оказался старец, по статусу она ему, знатна да не по нраву. Всё ж самому решать.

Выехал за ворота, едет по дороге. Тут у него второй камушек и выпал. Огляделся царь. Стоит у дороги терем купеческий. А из оконца светлицы девица окрестности осматривает. Подъехал Василий к терему и говорит:

– Здравствуй, девица, здравствуй, красавица. Держу я путь из города стольного, ищу по свету свою суженую. Путь мой долг, устал и жаждой измучился. Не сочти за труд, подай водицы колодезной.

Посмотрела красавица сверху вниз на царя и отвечает:

– Звать меня Марфой Игнатьевной, рода я купеческого. Хожу в серебре да сукне заморском. Знаю дело счётное. Не гоже мне путников заезжих поить. Я себе цену знаю, – сказала девица и затворила оконце.

Покачал головой Василий да в путь отправился. Ох, и добрый совет ему дал старик. Хороша девица, богата, а всё же не по душе.

Час едет царь, два едет. На третий час, совсем царь на солнце изжарился. Пить хочется, а нет колодца нигде. Смотрит: пастушок идёт, впереди себя коз гонит. Окликнул Василий пастуха:

– Здравствуй, добрый человек. Еду я из города стольного, ищу по свету свою суженую. Уже много часов в пути, ни одного колодца не встретил, весь жаждой измучился. Нет ли у тебя с собой водицы колодезной для усталого путника.

Глянул на него пастушок, засмеялся. Полез в суму пастушью. Удивился царь, первый раз его просьба такой смех вызвала. Протянул пастушок Василию кожаный мешок:

– Вот водица, не побрезгуй, держи мой бурдюк. Всё, что есть, бери.

Удивился царь, потянулся за водой да последний камушек и выронил. Сильно его жажда мучала, напился воды вдоволь и спрашивает:

– Эх, хороша водица! И не жалко тебе, малец, всю воду случайному путнику отдавать?

– А чего жалеть? Воды вокруг много. Я ещё наберу.

Вспомнил царь про камушек выпавший да решил порасспрашивать пастушка.

– Как зовут тебя, друг мой? Откуда родом будешь?

– Рода я крестьянского, отец мой кузнец деревенский.

Звать меня Настасьей Микитичной.

Просиял Василий. Значит, вот она какая, его суженая. Не зря он старца послушал, нашёл себе супружницу по сердцу. Спрыгнул Василий с коня, вместе они коз домой отвели. Всю дорогу Василий Настасью про жизнь расспрашивал. А вечером попрощался да предупредил, что приедет завтра для разговора серьёзного.

Так и сделал. Засватал он на зорьке утренней Настасью Микитичну. И на исходе третьего дня свадьбу сыграли. Неделю гудела столица, гуляли свадьбу царскую. Стояли столы через всю Русь, ломились от угощений. И я там была, мёд и пиво пила, во главе стола сидела да синицей улетела.

Дарья Варламова

(@is_lesa)

ЗАБЫТОЕ КОЛЕЧКО

Данко стоял в сторонке, смотрел, как собираются хороводы. Внешний, дальний круг – бабы да мужики, старики, кому хотелось, кому могло. Средний круг – девушки да парни, молодые, неженатые еще. А совсем у костра дети, в белёных рубашках, кудрявые, от огня раскрасневшиеся.

Там, в среднем круге, среди своих подруг стояла и Полеля. С венком на голове, с длинной тёмной косой. Смеётся, о чём-то с девушками переговаривается, нет-нет да бросит на Данко взгляд жгуче-чёрных глаз и снова смеётся-заливается. И Есеня, друг добрый, а рядом с Полелей встал, за руку взял. Эх, не любит Полеля Данко, не будет его женой...

Тем временем хоровод закрылся, и слова песни донеслись от костра:

У нас сегодня Купала,
Не девка огонь клала.
Сварог огонь раскладал,
Всех Богов до себя звал.

Всё быстрее и быстрее кружат хороводы. И не разобрать

уже, где Полеля, смешались в пёструю ленту девичьи косы, кудрявые головы парней, венки, ленты...

Звал Купала Перуна:

– Ты приди до нас, Перун

Поглядеть на Купаля!

– Нема часу, Купаля —

Эту ночку мне не спать,

Надо жито соглядать...

* * *

Далеко позади остались купальские костры, удалые песни да мечты сокровенные.

– Полеля, свет ты мой, отчего ж ты меня не слушаешь?

– Ах, Данко, что ж тебя слушать, коли ты ничего весёлого не скажешь?

– Будь моею, Полеля. Уж как любить тебя буду, на руках всю жизнь носить. Вот позволь и колечко на палец надеть в знак любви моей...

Засмеялась красавица, вскинула брови соболиные да сказала слова страшные:

– Не хочу я замуж. Да и скучно с тобой. Оставь своё колечко или русалкам подари.

И убежала, с глаз сгнула...

* * *

Не заметил Данко, как к реке вышел. Время позднее, скоро месяц с солнцем на небе встретятся. А по воде вдали венки плывут, да огневицы светятся.

Долго глядел парень в водную гладь, течение медленное, лунный свет в реке переливается, глаза обманывает. Чудится Данко, что слышит тихий звон, чудится ему, что в воде лица русалочки видит.

Поднёс он руку с кольцом к водной глади, и с той стороны одна из русалок тоже кольцо поднесла, только не такое, камень другой, да и сделано иначе.

– Данко, Данко, – тихо позвал его серебристый голос, и всё опрокинулось в небытие...

* * *

– А для гадания папоротник сорвать нужно, – сказала Забава.

Девушки рассыпались по лесу. Полеля шла вперёд, оглядываясь по сторонам. Страшно в лесу, тёмно. Но нужно свой папоротник сорвать, листья под изголовье положить и на суженого загадать. Кто приснится, с тем и быть суждено.

Девушки пропали из вида, растворились в тенистой летней ночи. Полеля несмело позвала подруг:

– Ау, ау.

Никто не откликнулся.

И вдруг она споткнулась, упала вниз, скатившись с при-

горка. Прямо над ней сиял золотой месяц, а под рукой оказались листья папоротника.

– Суженый... – вспомнилось ей, а потом всё провалилось в темноту.

* * *

Данко проснулся. Ни русалок, ни венков, ни лунного света.

Неспешно побрёл он вдоль реки к деревне. Мимо затухающих костров, одиноких фигур селян, мимо первой хаты на краю села. Уже рассвет наступал, месяц, значит, с солнцем встретился, новый день зарождался.

На крыльце сидел дед Воисвет.

– Что невесёлый идёшь, Данко? Али праздник не задался?

Поведал ему внук печали свои, и про зазнобу свою, и про русалок, и про колечко.

– Колечко, говоришь? А камушек синий был поди-ка?

Подивился Данко.

– Так и есть, деда. Да откуда ты ведаешь?

– Да оттуда, что прадед твой, тоже Данко, полюбил красавицу Ладу. Подарил ей колечко это, да решили они пожениться. Но родители Лады за другого её просватали. Перечить она воле родительской не стала, пошла за нелюбимого. Да только родила дочку, так и через месяц нашли её в реке. И колечко с синим камушком на ней было...

А Полеля твоя правнучкой той Ладе приходится.

* * *

Полеля проснулась на заре, на мхе и вспомнила свой сон – а снилось ей, что пускала она на воду венки, и вдруг из реки вышла прекрасная девушка и поведала о её судьбе, и суженого показала...

– Ой, – вскрикнула Полеля, увидев бегущего ей навстречу Данко. И разжала ладонь с обрывком листа папоротника.

* * *

Неспешно всходило солнце, и новый день обещал быть жарким и чудесным. Как красный камень на колечке, которое Данко надел на палец прекрасной Полели.

БЫЛИНА О ТРЁХ БОГАТЫРЯХ ДА ЗВЕРУШКЕ ВОЛШЕБНОЙ

Как во славном граде Новгороде
Да случилась беда нежданная,
Да нежданная, невозможная,
Горе горькое, боль горючая.

Да напало на град Новгород
Чудо-юдище препоганное,
Да полопало тьму народищу

Каждый день да по сто молодцев.
По сто молодцев, двести девушек,
А малЫх детей да не считано.
И послал тогда княже-батюшко
Да гонцов во все веси русские.

И зачли они указ княжеский:
Одолееет кто Чудо-юдище,
То получит он часть казны царской,
Да почёт по всей земле русской.

Услыхал указ славный воин-то,
Славный воин-то, богатырюшка,
Да Никитушка Кожемяка.
Воскипел тут он гневом праведным,

Да пошёл в поход в город Новгород,
Чтоб сразиться там с Чудом-юдищем.
Три-то дня они всё сражались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.